

конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (г. Грозный, 15 апреля 2015 г.) Грозный, 2016. – 528 с.

5. Ибрагимов Мов. Хатуев И. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. Нальчик: ИК «Эль-Фа», 2007. – 316 с.

6. Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (г. Грозный, 18-19 мая 2010). Грозный, 2010. – 634 с.

УДК 93/94

**АРХЕОЛОГИ-КАВКАЗОВЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941-1945 гг.
ARCHAEOLOGISTS-KAVKAZOVEDI IN SECOND WORLD WAR
1941-1945 yy.**

М.Х. Багаев,

*доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный, Россия*

Р.Х. Мамаев,

*ассистент кафедры истории древнего мира и средних веков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный, Россия*

Р.А. Мамаева,

*заведующая отделом древней истории и археологии Чечни
ГБУК "Национальный музей Чеченской Республики", г. Грозный, Россия*

М.А. Вагаев,

*doctor of historical Sciences, Professor of the Department of history ancient world and middle ages
«Chechen state University», Grozny, Russia*

R.Kh. Mamaev,

*assistant of the Department of history ancient world and middle ages
«ChechenstateUniversity», Grozny, Russia*

R.A. Mamaeva,

*head of the Department of ancient history and archaeology of Chechnya
«ChechenstateUniversity», Grozny, Russia*

В работе речь идет об археологах-кавказоведах, принявших участие в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Б.Б. Пиотровском, А.П. Курглове, Е.И. Крупнове, В.И. Марковине и Н.Я. Мерперте. Дается краткая информация об их археологических раскопках в тех или иных регионах Кавказа, и их научном наследии, ставшем фундаментом в археологическом исследовании ряда областей Кавказа, особенно Северного.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинград, Москва, Кавказ, Армения, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Эрмитаж, Пиотровский, Круглов, Крупнов, Марковин, Мерперт, победа, память.

In the work we are talking about archaeologists in the Caucasian studies, participated in the great Patriotic war of 1941-1945 – B. B. Piotrovsky, A. P. Karpova, E. I. Krupnov, V. I. Markovina and N. I. Merpert. Brief information is given about their archaeological excavations in various regions of the Caucasus, and their scientific heritage, which became the Foundation for archaeological research in a number of regions of the Caucasus, especially in the North.

Keywords: Great Patriotic war, Leningrad, Moscow, Caucasus, Armenia, Dagestan, Chechnya, Ingushetia, Hermitage, Piotrovsky, Kruglov, Krupnov, markovin, merpert, victory, memory.

Любая война вносит свои коррективы в обыденное бытие человека. Так произошло и в годы Второй мировой войны, развязанной фашисткой Германией. Это был самый крупный и кровопролитный военный конфликт в истории человечества. На протяжении 1939-1945 годов в ней приняли участие 72 государства, было мобилизовано 110 млн. человек, погибло более 60 млн., в том числе 26 млн. советский граждан. Потери Германии и её союзников составили 8,6 млн. человек [1, с.132].

Победа Советского Союза над фашисткой чумой ковалась на протяжении 1418 дней и ночей. Поэтому так дорог нам этот день – День Победы! Его приближали все – и млад и стар, осознанно жертвуя своими жизнями. Одни уходили на священную войну добровольно, другие – по долгу службы, третьи – по призыву. Так поступали и ученые, которые уходили на фронт, оставив своё основное и любимое профессиональное дело, сменив привычную ручку и пишущую машинку на стрелковое и прочее оружие. Однако, и там, на полях сражений, в коротких перерывах между боями, ученые не забывали свою гражданскую специальность и, по-возможности, урывками занимались ею. Вот один из таких примеров. В истории великих дешифровок древних письменностей, рядом с именем французского ученого Ж.Ф. Шампольона (1790-1832), дешифровавшего египетское иероглифическое письмо в 1822 г., стоит имя английского ученого Майкла Вентриса (1922-1956), дешифровавшего в 1952 г. «Линейное письмо Б» (крито-микенская письменность древней Греции). Занятия критскими письменами 18-летнего Майкла Вентриса прервала вторая мировая война. Юноша добровольно идет в армию. Все военные годы, - подчеркивают биографы ученого, - в планшете авиационного штурмана Майкла Вентриса, рядом с картами полетов лежали копии с табличек «линейного письма Б», надписей с далекого прекрасного острова Крит [2, с.105-109].

Из Великобритании, где, в 1941-1942 года уже были погибшие на войне археологи [2, с. 224], вернемся в СССР и послушаем археолога, знаменитого урартолога, академика Бориса Борисовича Пиотровского (1908-1990): «Уже в первые дни войны, в конце июня в Ленинграде было сформировано народное ополчение, которое сразу же отправилось на передовые позиции... Когда я вернулся в Ленинград (из Армении - авт.), в первых числах июля, запись в ополчение была прекращена, необученные ополченцы несли большие потери; а у меня была отсрочка от призыва, пришлось довольствоваться формированием гражданской обороны – я выбрал противопожарную команду МПВО, стал пожарным... В институте истории материальной культуры (ИИМК) кавказоведов было шесть, но во время эвакуации (Эрмитажа – авт.) было четверо. Самый молодой и веселый С.Н. Аносов, начавший работать на Кармир-Блуре, был убит в самом начале войны. Самый старший А.А. Иессен, уехал с Эрмитажем в Свердловск. А.П. Круглов уже находился в армии, на центральном фронте, где позже его настигла смерть. В один из вечеров начала августа (1941 – авт.) встретились три оставшихся в городе товарища: Ю.В. Подгаецкий, Б.В. Деген-Ковалевский и я.

Деген закончил и сдал для защиты свою кандидатскую диссертацию «Курганы в Кабардинском парке города Нальчика», он был увлечен этой темой, торопил защиту, боясь, что Ученый совет может растаять; но вместе с тем его беспокоила семья, которую надо было эвакуировать. Еще больше тревожился подгаецкий, так как он недавно женился и имел маленькую дочку. Свободным был я один. Но я со дня на день ждал вызова на партизанские курсы... Договорились о том, что кто останется живым после войны, то позаботится о памяти своих друзей и сохранит научные материалы хотя бы для архива.

Защита Дегена состоялась 27 сентября (1941 г. – авт.), а через месяц он умер на аэродроме, когда провожал свою семью в эвакуацию. Подгаецкий пришел в Эрмитаж в состоянии крайней дистрофии, он умер у меня на глазах, и когда я переносил его мертвым, то не почувствовал его веса – настолько он исхудал. После его смерти я перевез из его дома рукописи в Эрмитаж и проводил жену Т. Архангельскую с дочкой до эвакуационного пункта Академии наук (обе они погибли). Но все эти печальные события имели место позже, ближе к концу года (1941 г. – авт.).

16 августа (1941 г. – авт.) я получил повестку о призыве. Пятерых эрмитажников присоединили к партизанскому отряду Дзержинского района г. Ленинграда... В один из нудных дней партизанской подготовки пришел командир Раков и объявил, что наш отряд расформируется, так как забросить его в тыл сейчас, при близости фронта уже нельзя, и мы все передаем в распоряжение МПВО. Так я вернулся в Эрмитаж и получил должность заместителя начальника противопожарной команды... Долгие часы дежурства на постах научные сотрудники даром не теряли... Научная работа облегчала нам тяжелую жизнь...

Можно сказать, что мои научные статьи, написанные в Ленинграде зимой 1941-1942 г., удовлетворяют меня более, чем некоторые из выполненных в мирной обстановке, и это понятно – в это время можно было или не писать вовсе, или писать с большим подъемом, среднее исключалось... Основные части моей книги «История и культура Урарту» были выполнены в Ленинграде в тяжелые дни блокады» [2, с. 177-208].

Мы осветили лишь частицу этого глубокого следа, оставленного войной в жизни и творчестве знаменитого археолога, востоковеда и кавказоведа, академика Б.Б. Пиотровского, который внёс свою лепту и в священное дело защиты Отечества от фашистских захватчиков.

Говоря же о его научном наследии отметим и то, о чем поведала нам супруга, тоже археолог-урартолог Рипсимэ Джанполадян – Пиотровская. По её словам, только в библиографическом справочнике Бориса Борисовича насчитывалось более пятисот наименований книг, статей и других научных публикаций самой разнообразной тематики поегиптологии, урартологии, скифам и скифской культуры, искусству, Эрмитажу.

Последним капитальным научным трудом ученого стал первый том двадцатитомного издания коллекций Государственного Эрмитажа «Эрмитаж. История и коллекция» - это парадное издание с великолепными иллюстрациями. Этот труд Бориса Борисовича Пиотровского оказался последней точкой многолетней, длившейся более 75 лет, любви и преданности автора любимому Эрмитажу [3, с.8].

Он был 12-м по счету директором Эрмитажа и прослужил в этой должности с 1964 по 1990 г. т.е. до конца своей жизни. В течение 34 лет у него было 88 командировок, во время которых он посетил 40 стран [3, с. 494-498].

Отечественная и мировая общественность высоко оценила заслуги Бориса Борисовича. Он был избран действительным членом АН СССР (1970), АН Армении (1984), действительным членом королевской академии Марокко (1984), был почетным членом еще 15-ти престижных зарубежных академий и обществ [4, с.9] и список этот очень обширен [3, с. 498-499], особенно, если к нему добавить список литературы о жизни и трудах Бориса Борисовича [3, с. 499-503].

Научная деятельность Бориса Борисовича была отмечена рядом научных премий, в том числе и Государственной премией СССР (1946 г. – тогда Сталинской). Он был награжден как отечественными, так и международными орденами, и медалями, в том числе и Золотой звездой Героя Социалистического труда, Французским Командорским орденом Искусства и Литературы, болгарским – Кирилла и Мефодия, орденом Федеративной Республики Германии за заслуги в области искусства «PourlemeritefurWissenschaytenundKunste» – старинным прусским орденом, которым по обычаю награждаются корифеи немецкой и мировой науки, выдающиеся деятели искусства [3, с.10; 2, с.281-285].

Более подробные сведения о наградах Б.Б. Пиотровского можно почерпнуть из книги «Борис Борисович Пиотровский. 100 лет со дня рождения. Каталог выставки» [5, с. 19-26]. Наград много, но, Борис Борисович никогда ими не хвастался и не вел им ревностного счета, хотя гордился ими, особенно связанными с Великой Отечественной войной - это: медали «За оборону Ленинграда», «XXXлет Победы в Великой Отечественной войне», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», знак «Защитник Ленинградского неба 1941-1945».

В 1995 году, через 5 лет после ухода из жизни этого необыкновенного обаяния человека, увидела свет его последняя книга-мемуары «Страницы моей жизни». В «Предисловии» к ней, написанной Рипсимэ Микаэловной Джанполадян – Пиотровской

(1918-2004) читаем: «Родословная Пиотровских, семья, наставники, годы накопленных знаний, становление интересов и формирование личности – обо всем этом автор мемуаров пишет увлекательно и искренне. Три его последних итоговых десятилетия (1955-1990 гг. – авт.) остались, к сожалению, за бортом этого повествования – смерть оборвала мемуары. Но эти годы жизни Б.Б. Пиотровского пока живы в нашей памяти – и главное продолжают жить в его книгах и учениках, в делах двух его сыновей, ставших докторами наук, одному из которых – Михаилу – посчастливилось стать приемником отца на посту директора Эрмитажа» [2, с.3].

Кстати будет сказано, что по археологическим стопам академика Б.Б. Пиотровского пошел его племянник Юрий Юрьевич Пиотровский, известный археолог-кавказовед, автор десятков статей по эпохе бронзы и раннего железа Северного Кавказа, ведущий научный сотрудник Эрмитажа, соавтор многочисленных выездных (главным образом в дальнее зарубежье) выставок Эрмитажа и каталогов к ним. В 60-70-х годах прошлого века, он был постоянным участником Северо-Кавказской археологической экспедиции в отряде, работавшем под руководством Е.И. Крупнова, а потом В.И. Козенковой в Сержень-Юрте, где, кстати в 1962 г. еще будучи студентом факультета востоковедения ЛГУ, на раскопках участвовал и Михаил Борисович Пиотровский [6, с.128-129 - фото], ныне академик РАН.

Как уже отмечалось выше, в ИИМКе к началу ВОВ было шесть археологов-кавказоведов. Об одном из них, о Великом урартологе Б.Б. Пиотровском, мы только что говорили. Сейчас речь пойдет о другом ленинградце – о известном представителе Северокавказской археологии – Андрее Павловиче Круглове (1907-1942), кандидате исторических наук, героически погибшем, при защите Ленинграда в 1942 г. [7, с. 220].

Кандидатская диссертация на тему «Северо-Восточный Кавказ во II – I тысячелетии до н.э.» весной 1941 г. была защищена уже после начала войны им на Ученом совете ИИМК АН СССР 29 сентября 1941 г.

На защиту он приехал по командировке командования войсковой части. В тот день, не успев даже прочувствовать в полной мере радость от того, что ему присвоена ученая степень кандидата исторических наук, молодой ученый (а было ему тогда 34 года) вернулся на фронт, где, к глубокому сожалению, Андрей Павлович и погиб в 1942 т. при героической обороне легендарного города на Неве. И только после окончания войны, в 1946 г был опубликован некролог, посвященный пяти советским археологам, в том числе и А.П. Круглову, погибшим на той войне. В нем читаем:

«Андрей Павлович Круглов - один из наиболее молодых ученых. По окончании Ленинградского университета он прочно занял свое место в области изучения древней истории нашего Юга, в частности, Кавказа. Его полевая работа всегда отличалась точностью применявшихся методов исследования археологических памятников, позволявших ему правильно и обоснованно давать их интерпретацию. В одной из своих печатных (1935 г. – авт.) работ - в крупном исследовании, написанном в содружестве с безвременно умершем от голода в блокадном Ленинграде молодым ученым Ю.В. Подгаецким, «Родовое общество степей Восточной Европы» - Андрей Павлович сразу показал себя глубоким исследователем, хорошо владеющим научным методом и прекрасно знающим материал.

В течение ряда лет Андрей Павлович систематически вел на Северном Кавказе раскопки неолитических поселений и могильника у Нальчика; результаты этих работ напечатаны им в вышедшем в начале Отечественной войны сборнике «Материалы по археологии Кабардино-Балкарии». Последние пять лет перед войной Андрей Павлович целиком отдал изучению почти не исследованных предгорных и горных районов Чечни и Дагестана. Здесь им были открыты новые памятники от эпохи энеолита и до позднего средневековья. Научное значение некоторых из них выходит далеко за пределы Кавказа. Такие объекты, как могильник у сел. Исти-су и Харачой (Чечня) и в особенности у сел. Берекей (Дагестан), проливают яркий свет на связь древних культур Северного Кавказа с культурами Юга Украины, Закавказья и Передней Азии. Полное научное освещение проблемы древней истории Кавказа получили в кандидатской диссертации Андрея Павловича - «Северо-Восточный Кавказ во

тысячелетии до н.э.», защищенной, как выше отмечалось, им в Ленинграде в дни Великой Отечественной войны, в сентябре 1941 г, когда он уже находился в Действующей армии. Скромный, очень вдумчивый, с критическим складом ума, серьезно и глубоко изучавший предмет своих занятий, Андрей Павлович, кроме научно-исследовательской работы в ИИМК и на Северном Кавказе, читал эпизодический курс по археологии Кавказа на историческом факультета Ленинградского университета и деятельно сотрудничал в Государственном Эрмитаже» [8, с.4].

Сегодня нам хорошо известно, что после окончания гражданской войны, советская власть развернула широкомасштабные работы по изучению истории народов Северного Кавказа. Так, начиная с 1920 г. во всех республиках Северного Кавказа были организованы этнографические экспедиции под общим руководством профессора Н.Ф. Яковлева. В стране вайнахов работала экспедиция, профессора из Владикавказа Л.П. Семенова, которая изучала как этнографические, так и археологические памятники [9].

Начиная с 30-х годов, в эту исследовательскую работу включаются и центральные учреждения Москвы и Ленинграда. Инициатором этих начинаний явилась Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК). В первой половине 1930-х годов они совместно организуют первые советские археологические экспедиции на Северный Кавказ, при этом экспедиция ГИМа под руководством Е.И.Крупнова продолжала работы, начатые Л.П. Семеновым, расширяя объем исследований [10, с.17].

Таким образом, во второй половине 30-х годов в регионе работали две экспедиции:

а) Северо-Кавказская 1-я экспедиция ИИМК (Руководитель М.И. Артамонов, начальники отрядов: А.П. Круглов, А.В. Мачинский, Г.В. Подгаецкий) организованная по просьбе Чечено-Ингушского научно-исследовательским институтом истории языка. Работы экспедиции явились плановым продолжением ранее начатых изысканий, имеющих целью получить материал по древнейшей истории народов, населявших территорию Чечено-Ингушетии и Дагестана [11, с.27].

б) Северо-Кавказская 2-я экспедиция (организована Государственным Историческим музеем совместно с ИИМК. Руководитель Е.И. Крупнов). Экспедиция проводила археологические работы в Осетии и в Чечено-Ингушетии [11, с.29].

В целом об их работе уже написано немало (см., например, [12;13]. Здесь мы остановимся на деятельности одного из основных организаторов ленинградской экспедиции - очень активного, энергичного и талантливого А.П. Круглова, положившего начало деятельности экспедиции ГАИМК-ИИМК в Чечне. В своем отчете «Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г.» он писал, что археологические памятники на этой территории до самых последних лет почти не подвергались научному изучению, поэтому систематическое изучение территории Чечено-Ингушетии является совершенно необходимым. Только при помощи археологических данных может быть дан ответ на вопросы о времени и условиях заселения горных районов; о происхождении и древнейшей культуре народов этой территории. Наконец, археологическое изучение этого региона имеет, прежде всего, громадное значение для воссоздания истории самого чечено-ингушского народа. Поэтому принимая во внимание особый интерес, который представляет территория Чечено-Ингушетии, а также ее чрезвычайно малую археологическую изученность. Государственная академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра, воспользовавшись предложением Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, приступила к систематическим изысканиям на данной территории.

Согласно пожеланию института, в 1936 г. экспедицией были произведены разведочные изыскания в трех районах. Осмотрена долина р. Аргун от сел. Шатой до сел. Атаги; долина р. Терека от сел. Ногай-Мирза-юрт до хутора Таврического и произведена разведка по маршруту Бамут, Ачхой-Мартан, Шаман-юрт, Закан-юрт, Алхан-Кала. Экспедиция прошла указанные участки, регистрируя обнаруженные при этом памятники, нанося их на карту, производя топографическую съемку и фотографирование. На местах

некоторых древних поселений и могильников были заложены небольшие разведочного характера раскопы, имевшие целью или выяснить стратиграфию культурного слоя, или определить характер погребального сооружения и ритуала.

В результате экспедиции были зафиксированы: одно поселение эпохи бронзы, восемь городищ сарматского времени, два поселения и семь средневековых могильников, а также большое количество курганов различных эпох (о работах ГАИМК-ИИМК см: [14, с.3-4]).

Большим успехом экспедиции следует считать открытие ею раннесредневекового катакомбного могильника вблизи селения Дуба-Юрт на реке Аргун [14, с. 13-14]. Материалы исследованных катакомб позволили А.П. Круглову датировать могильник VIII-IX вв. н.э.

Наиболее обстоятельно А.П. Круглов изучил могильник эпохи поздней бронзы у сел. Харачой. За два года работ (1937 и 1938) здесь была вскрыта площадь свыше 1000 м² и исследовано 50 погребений. В эти же годы два поселения и два могильника были обнаружены так называемым «Чеченским отрядом» Северо-Кавказской экспедиции (руководитель отряда А.В. Мачинский) на берегу р. Дарго-аксай вблизи селений Дарго и Белгатой (горный Белгатой – авт.).

Изучая научное наследие А.П. Круглова, как подчеркивала К.Х. Кушнарева, мы видим, что он придавал огромное значение могильникам Чечни у сел. Харачой, Белгатой, Дарго наравне с могильниками Дагестана у селений Каякент, Берекей, Гагатль, «своеобразный облик которых позволяет видеть в них местный, характерный лишь для Северо-Восточного Кавказа, вариант позднебронзовой и отчасти раннежелезной культуры, именуемой в литературе по названиям первых исследованных могильников каякентско-харачоевской» [15, с.14].

Таким образом, из краткого обзора работы комплексной Северо-Кавказской экспедиции ИИМК АН СССР на Северо-Восточном Кавказе в 1936-1939 годах прошлого века видно, что первостепенная заслуга ее заключается в том, что ее отряды начали работать как в горных, так и в равнинных районах Чечни и Дагестана, где впервые провели обширные археологические разведки, из которых наиболее результативными были по маршруту Грозный - Ца-Ведено -Ведено - Харачой – Хой-Макажой - Анди -Ботлих - Хунзах - Гуниб - Ходжал – Махи -Каякент - Махачкала, а также плодотворные работы в Наурском, Надтеречном, Ачхой-Мартановском, Урус-Мартановском, Грозненском, Гудермесском, Ножай-юртовском районах Чечни [16, с.125].

Результаты своих исследований Андрей Павлович Круглов готовил к изданию и некоторые из них увидели свет еще при жизни, другие же - после гибели автора на войне. К.Х. Кушнарева, подготовившая к печати рукопись кандидатской диссертации А.П. Круглова (при активном содействии Р.М. Мунчаева) и написавшая к ней обширное «Введение», отмечала, что «Публикуемая работа А.П. Круглова - «Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э.» была давно известна специалистам как очень ценная и основополагающая, и можно было предположить, что автор еще много сделает для дальнейшего развития советского кавказоведения. Но Андрей Павлович погиб при героической обороне Ленинграда. Его работа не была подготовлена к печати. Чрезвычайно досадным явилось и то, что во время войны был утерян альбом иллюстраций, тщательно подбирившийся автором в течение многих лет» и дальше добавляет: «Несмотря на то, что со дня защиты диссертации прошло уже много времени, работа эта и сейчас не потеряла своего большого научного значения. Предложенная впервые А.П. Кругловым периодизация памятников и характеристика последовательных этапов развития культуры Северо-Восточного Кавказа в эпоху медно-бронзового века, за исключением некоторых частных вопросов, выдержали испытание временем» [15, с.7].

Если к концу 30-х годов XX в. в Ленинграде в ИИМК (включая и Эрмитаж) насчитывалось шесть археологов-кавказоведов [2, с. 183], то в Москве в это время был только один – Евгений Игнатьевич Крупнов (1904-1970), выпускник историко-археологического отделения исторического факультета МГУ, ученик знаменитого археолога В.А. Городцова, уроженец г. Моздока в Северной Осетии. К 1941 году в его лице страна

имела уже сложившегося ученого – кавказоведа [17, с.2]. В первые же дни Е.И. Крупнов вместе со своими коллегами по ГИМу и ИИМК АН СССР Д.А. Крайновым, П.А. Дмитриевым, А.П. Смирновым и другими записывается в московское народное ополчение и уходит на Западный фронт в качестве рядового бойца 1-го стрелкового полка Ленинской дивизии. Затем, он оказывается в 108 зенитно-стрелковом полку (Московский военный округ). После ранения, он недолгое время находился на излечении эвакогоспитале №2051, откуда был временно отпущен в Москву на защиту кандидатской диссертации на тему «Очерки истории Ингушетии с древнейших времен по XVIII век» (официальные оппоненты: д.и.н., проф. А.В. Арциховский и к.и.н. Б.А. Рыбаков). Публичная защита состоялась в МГУ 6 октября 1941 г. [18].

После успешной защиты и выздоровления Евгений Игнатьевич снова в рядах Красной Армии, - пишет Р.М. Мунчаев – с декабря 1941 г. по август 1945 г. он служил рядовым 33 запасной стрелковой дивизии в качестве лектора политотдела [19, с.130] и преподавателя курсов того же отдела [18, л.11].

Демобилизовали Е.И. Крупнова в августе 1945 г. и сразу же его восстановили в должности старшего научного сотрудника и в ГИМе и в Московском Отделении ИИМК АН СССР (ныне Институт археологии РАН). Рекомендуя восстановить Е.И. Крупнова на эти должности, крупнейший советский археолог, профессор кафедры археологии истфака МГУ С.В. Киселев, отмечал, что Е.И. Крупнов являлся единственным специалистом по археологии Северного Кавказа, создавшим новое представление о ряде этапов истории горских народов, что его труды высоко оценены у нас и за границей и возвращение Е.И. Курпнова в Институт диктуется его высокой квалификацией и полным отсутствием других археологов - специалистов по Кавказу [19, с.130; 18].

И, как позднее верно заметил первый из многочисленных аспирантов Е.И. Крупнова член-корреспондент РАН Р.М. Мунчаев «Возвратившись к научной работе после четырехлетнего пребывания на военной службе, Е.И. Крупнов с какой-то необыкновенной одержимостью и энергией отдается ей. Начинается второй, послевоенный, период в его научной работе, продолжавшейся буквально до конца жизни. Этот период его творческого пути наполнен столь кипучей и многогранной деятельностью, такими обширными экспедиционными открытиями и столь крупными научными достижениями, что просто удивительно, как всё это мог сделать один человек» [19, с.130-131]. Этот самоотверженный труд получил высокую профессиональную оценку в 1963 г. он стал Лауреатом самой высокой в Советском Союзе Государственной премии – Ленинской, которая сравнивалась в нашей стране только с Нобелевской.

В целом о Е.И. Крупнове и его научном наследии написано много статей, очерков, воспоминаний и т.д. Среди них самой яркой и всеобъемлющей, на наш взгляд, является статья Р.М. Мунчаева «Евгений Игнатьевич Крупнов», изданная в 2004 г. [19, с.126-144], к которой мы и отсылаем наших читателей.

Огненные годы Великой Отечественной войны опалили и закалили еще одного, археолога-кавказоведа – одного из самых известных исследователей древней истории северокавказских народов Владимира Ивановича Марковина (1922-2008). Он родился и рос в столице Дагестана – городе Махачкале, где в 1942 закончил среднюю школу, а в 1943 г., его призвали в ряды Советской Армии и прямиком направили на Центральный фронт. Осенью 1944 г., в ходе боевых действий он был ранен, вследствие чего его демобилизовали.

Археологическая биография Владимира Ивановича началась летом 1948 г. со знакомства его с московским археологом К.Ф. Смирновым, который в том году, по просьбе Е.И. Крупнова, вел археологические раскопки в Дагестане. «У меня нет сомнений, - пишет Р.М. Мунчаев, - что именно под влиянием К.Ф. Смирнова В.И. Марковин решил поступить в аспирантуру по археологии и тем самым определить свой дальнейший жизненный и творческий путь» [21, с.9], что так и случилось. В 1954 г. он поступает в аспирантуру Е.И. Крупнова и до конца своей жизни остается в Москве, став третьим из «могучей кучки» археологов-кавказоведов столицы нашей Родины в лице Е.И. Крупнова, Р.М. Мунчаева и

В.И. Марковина. Это была мощная основа московской археологической школы-кавказоведов Е.И. Крупнова, которую прошли многие археологи Кавказа.

В.И. Марковин создал периодизацию широко известной Северокавказской археологической культуры эпохи бронзы, определив относительную хронологию каждого из трех выделенных им этапов. Рассмотрел вопросы происхождения данной культуры и особенности социально-экономического и духовного развития местного населения и связей его с племенами сопредельных областей [22, с. 10].

В ходе полевых исследований В.И. Марковин выявил и изучил на всем пространстве Чечено-Ингушетии, особенно в её горных районах, большое количество древних и средневековых бытовых, культовых и преимущественно погребальных памятников (Гатын-Кале, Харсеной, Зандак, Гойты и др.). Им же впервые были открыты в Чечне и памятники палеолита.

С середины 60-х годов ученый исследовал курганы бронзового века у г. Пятигорска, в Северной Осетии (с. Караурадон), а также провел археологические изыскания в Карачаево-Черкесии, Ставрополье, Дагестане, а с 1967 г. и обширные работы на Северо-Западном Кавказе по исследованию дольменов [22, с. 11-12]. До сегодняшнего дня остается очень востребованной его уникальная монография по дольменам Кавказа [23] и последующие фундаментальные работы на эту тему [24-25]. Вклад В.И. Марковина в изучение дольменов Кавказа велик, он должен быть вписан крупными буквами в историю кавказоведения, а также российской и мировой археологии [22, с.13-14]. Тем более, что к 80-м годам XX в. он стал не только крупным и признанным специалистом в области археологии бронзового века Северного Кавказа, но и ученым-кавказоведом широкого профиля, внося свою лепту в изучение каждого периода древней и средневековой истории и культуры Северного Кавказа, особенно Чечни и Ингушетии, в частности каменного зодчества вайнахов, а также культовых памятников и погребальных комплексов, посвятив им множество своих научных трудов [22, с.15; там же см. «Библиография» - с. 18-20].

Мы обязаны вспомнить еще одного археолога-фронтовика – Николая Яковлевича Мерперта (1922-2012 гг.). О своем участии в ВОВ он писал так: «Собственного же участия в войне коснусь лишь слегка. Прежде всего, кратким было оно само: началось в первые дни войны, а уже в конце июня я получил первое – легкое ранение (осколком авиабомбы), правда, в строю остался, не уходя даже в санбат. Затем было второе ранение – пулей на излете в ногу; в октябре третье – средней тяжести (прикладом автомата по голове); наконец, четвертое - тяжелое (разрывной пулей в локоть левой руки). Еще дважды был контужен, потому в конце марта 1942 года, после почти пятимесячного пребывания в омском военном госпитале я был отчислен из армии, и военная карьера моя пресеклась...» [26, с.39]. К теме нашего доклада он имеет прямое отношение благодаря его пристальному вниманию к Северному Кавказу и очень важным археологическим разведкам и раскопкам в Чечено-Ингушетии на протяжении двух археологических сезонов. По словам самого Н.Я. Мерперта, вот как всё началось: «В 1956 году Е.И. Крупнов пригласил меня принять участие в большой экспедиции по ряду городов и областей Северного Кавказа для ознакомления и с конкретными районами, и с памятниками» [26, с.221].

Столь заманчивое предложение было принято и в 1959 г. Н.Я. Мерперт ведет раскопки Мекенских курганов на Тереке [27, с. 9-48], открытых и частично исследованных в 1956 г. Е.И. Крупновым и Р.М. Мунчаевым [26, с.222; 27, с.10] и приходит к выводу, что «... и в раннем и среднем бронзовом веке, Северный Кавказ сыграл свою роль в процессе становления срубной металлургии и металлообработки, высокоразвитые центры которой плодотворно исследованы ныне в Подонье, Повольжье, Приуралье и по всей срубной ойкумене. Эта линия связи прослеживается да раннего железного века, причастны к нему и микенские курганы, в одном из которых был открыт выразительный сарматский комплекс. В целом же Мекенская курганная группа уникальна по информативности для изучения последовательных периодов кавказско-степного взаимодействия» [26, с.227].

В 1960 г. Н.Я. Мерперт вновь на Северном Кавказе и в той же Чечне. Теперь он ведет

раскопки широко известного ныне, благодаря многолетним трудам известного кавказоведа В.И. Козенковой, древнего поселения у селения Сержень-Юрт. Оно было открыто Р.М. Мунчаевым в 1959 г. и тогда им же было положено начало его раскопкам, определившим наличие в нем двух слоев: нижнего – эпохи ранней бронзы и переходного периода от бронзового к раннему железному веку, т.е. к кобанской культуре [26, с.228]. «К сожалению, должен сказать, - пишет сам позднее Н.Я. Мерперт, - что мое участие в исследованиях поселений Сержень-Юрт было достаточно скромным и ограничивалось одним сезоном, в ходе которого удалось заметно расширить вскрытую площадь, полностью подтвердить заключения Р.М. Мунчаева о двуслойности памятника и получить новый, достаточно специфичный материал из обоих слоев» [26, с.233].

Николай Яковлевич Мерперт ушел из жизни 29 января 2012 г., не дожив 10 месяцев до своего 90-летнего юбилея.

К глубокому сожалению, ни один из названных археологов-кавказоведов, участников Великой Отечественной войны не дожил до 75-летнего юбилея Великой Победы, которую каждый из них старался приблизить, как мог. Вечная же им память и как защитникам Отечества и как крупнейшим ученым-кавказоведам!

Литература:

1. Исторический энциклопедический словарь. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 928 с.
2. Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. Санкт-Петербургская издательская фирма РАН. Санкт-Петербург, 1995. 288 с.
3. Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Искусство России, 2011. 656 с.
4. Рипсимэ Джанполадян – Пиотровская. Предисловие // Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. 288 с.
5. Борис Борисович Пиотровский. 100 лет со дня рождения. Каталог выставки. Издательство Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург. 2008. 56 с.
6. Яковлева Е.С. Михаил Пиотровский. / Елена Яковлева. М.: Молодая Гвардия, 2015. – 399 [1] с.: (ЖЗЛ: Биография продолжается...: сер. Биогр.; вып.30).
7. Антология советской археологии. (1930 годы). Т. II. М., 1995. 236 с.
8. Круглов А.П. Культурные места Горного Дагестана // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1946 Вып. XII С.31-40.
9. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах (ред. Крупнов Е.И.) Чечено-Ингушское книжное издательство. Грозный, 1963. 160 с.
10. Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. 55 с.
11. Северо-Кавказская 1 экспедиция, // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып.12. 1939. С.27-29.
12. Мамаев Х.М. Из истории археологического изучения Чечни (к 70-ти летию начала работ Чечено-ингушской археологической экспедиции ГАИМК и Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК) // Вестник академии наук Чеченской Республики. 1. 2008. с.90-99.
13. Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х. К истории и историографии археологии Чечни (краткий обзор) // История и культура народов Юга России. Материалы научного симпозиума, посвященного 50-летию исторического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». Грозный. 18 декабря 2019. Грозный. 2019. С. 189-200.
14. Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института языка и истории. Вып. I. Грозный. 1938.
15. Кушнарева К.Х. Введение // Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. МИА. №68.
16. Багаев М.Х. Тангиев М.А. Археологические работы А.П. Круглова на Северо-Восточном Кавказе (К 70-летию завершения А.П. Кругловым монографии «Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э.») // Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир, Краснодар, Москва, 2011. 179 с.
17. Кузнецов В.А. Евгений Игнатьевич Крупнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. Посвящается памяти Е.И. Крупнова (отв. редакторы Р.М. Мунчаев, В.И.

- Марковин). М.: Наука, 1973. 264 с.
 18. Архив ИА РАН. Р-13. Д.№ 97, л.27
 19. Мунчаев Р.М. Евгений Игнатьевич Крупнов (1904-1970) // Портреты историков. Время и судьбы: Древний мир и средние века. Т. 3. 2004. Москва. 614 с.
 20. Антология советской археологии (1917-1933). Т. I. М.1995. 172 с. 15 ил.
 21. Багаев М.Х. Кавказовед, учитель, друг // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа: Сборник статей. М., 2004
 22. Мунчаев Р.М. Марковин Владимир Иванович. Страницы жизни и творчества // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа: Сборник статей. М., 2004. 192 с.
 23. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука. 1978. 328 с.
 24. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и Средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. 226-253 с.
 25. Марковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., Наука, 1997. 402 с.
 26. Мерперт, Николай Яковлевич. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус, 2011. 384 с., ил.
 27. Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. Сб. статей. М.: Наука, 1963. 280 с.

УДК 93/94

**МЕДРАБОТНИКИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ НА ФРОНТАХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**CHECHEN-INGUSHETIA MEDICAL WORKERS ON THE FRONT LINES
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Л.А. Бадаева,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
древнего мира и средних веков*

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный, Россия

L.A. Badaeva,

*candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of history of the ancient
world and the middle ages Chechen state University, Grozny, Russia*

В данной статье автор задался целью попытаться раскрыть такую серьезную тему как участие и роль чеченских медицинских работников в Великой Отечественной войне. В своей статье автор использовал как документальные источники, но и воспоминания участников, что, безусловно, повысило значимость работы.

Ключевые слова: фронт, врачи, медпомощь, война, мобилизация, выселение.

In this article, the author set out to try to reveal such a serious topic as the participation and role of Chechen medical workers in the great Patriotic war. In his article, the author used both documentary sources and memoirs of participants, which, of course, increased the significance of the work.

Keywords: front, doctors, medical aid, war, mobilization, eviction.

О Великой Отечественной войне будут писать и говорить бесконечно. Одна из самых кровопролитных войн, которых только знало человечество, до сих пор остается в зоне пристального внимания ученых, политиков. и всех, кого не оставляет по сей день память о миллионах погибших защитников Родины. Тяжелым испытанием стала эта война для советского народа, и без того несшего на себе груз сталинского режима с его арестами, лагерями, расстрелами.